

Ольга Дмитриева, режиссёр
Наблюдатель лаборатории по документальной хореографии

Я наблюдала. Наблюдала за собой, участниками, лекторами, за организаторами и случайными прохожими. Наблюдала за пространством, позами, мимикой, звуками. Три дня я была в группе «наблюдателей» лаборатории «Документальная хореография». Описывать хореографию всегда для меня странно. Лаборатория так же сложно поддается описанию. Начинаю писать и бросаю. Тут у меня развивается комплекс неполноценности, ибо все три дня я была окружена теоретиками, практиками не только современного искусства, но и психологии, психоанализа, телесной терапии, чей багаж знаний, а точнее терминология были гораздо сложнее, чем мое субъективное восприятие реальности, которое скорее ближе к эмоциональному, чем к аналитическому. Но попробую.

День первый. Напряжение. День знакомства, первых информационных вбросов в поле лаборатории. Примечателен тотальный гендерный перевес в сторону женщин. Из мужчин в первый час – четверо, двое из которых – работники Сахаровского центра. Наблюдение номер раз: тема телесности и документа интересует женскую аудиторию. Возможно, мы, женщины, более чувствительны к этому иррациональному способу коммуникации. Мужчин в итоге прибавилось, но не намного.

Первая лекция, на мой взгляд, самая приближенная к заявленной теме лаборатории - «Документальность и современная хореография». Как говорится - что в мире происходит. Референсы, которые были названы и показаны, всплывали на протяжении всех трех последующих дней. По моим наблюдениям, эта лекция - больше ликбез для драматургов, тех, кто вне контекста современной хореографии или же лишь на подходе к его освоению. Для хореографов же она была скорее про терминологию. Что из их опыта подошло бы под описание «документальной хореографии».

После этой лекции можно было бы разойтись с убеждением, что «документальная хореография» вполне себе возможна и более менее ясна. Но во время первой дискуссии обнаружилось, что пришедшие на лабораторию, с одной стороны, пришли с вопросом - что есть эта самая документальная хореография, с другой стороны у каждого было свое видение этого понятия. И начались первые расхождения, которые в итоге помогли, как мне показалось, обозначить более конкретные потребности и точки исследования участникам лаборатории. Что есть документ? Что есть документальный театр? Документ, история, память – что является объектом для «документальной хореографии». С чем она работает? С чем работает хореограф, с чем работает драматург в этой системе. Как художник взаимодействует с документом?

Как сказала одна из участниц: я пока ничего не понимаю. И это было начало.

Следующие две встречи подлили масла в огонь или, точнее, заволочли нас туманом. Если «Документы, свидетельства, пустоты» Саши Шестаковой было представление опыта работы с документами, памятью по большей части в галерейных пространствах и визуальном арте, и сложность заключалась в переводе этого опыта в контекст хореографии (тут все призадумались), то спич Дениса Клеблеева после его фильма «Король Лир», а именно его фраза - «когда я начал заниматься кино, я понял, что документального кино не

существует» - позволила всем расслабиться ибо снимало часть ответственности за сохранение объективности, с которой ассоциировался термин «документальный».

Наблюдение за собой и моим ходом мысли. Именно в первый день я сформулировала для себя отношение к происходящему: «Какие все юные и умные». А второе, еще одна реплика о том, что сейчас тренд на женское документальное кино, закольцевало и как бы закрыло вопрос о гендерном перевесе. Лаборатория в тренде!

День второй. Анализ. Самый насыщенный информацией день. Наблюдать сложнее. Теперь мы - сумма участников, наблюдателей, лекторов. Лекция по психоанализу больше всего нашла отклик у аудитории. Лекция про постсоветское тело была ожидаемой, но в итоге и ни теория, и ни практика. Хотя даже разговор о постсоветском теле вызвал волну телесного самоанализа.

Все активнее слышаться просьбы добавить тела в лабораторию. В этом, на мой взгляд, перспектива. Изучать, развивать, погружаться в тему иррационального, эмоционального, телесного без практик, а только через логос – ограничивает.

Точка внимания во второй день смещается не в сторону методологии, не в разработку метода, а скорее в выбор темы. Новых направлений для размышлений - уйма. Тело гудит. Голова полна.

День третий. Ясность и отрицание. Опыт Анны Гарафеевой, хореографа, чьи работы можно назвать «документальной хореографией», вполне вписывался в сложившуюся за предыдущие дни картину «мира». Интересные вопросы стали возникать о том, почему современный театр и современная хореография как бы разделены, и, вроде бы, приемы и подходы должны быть разные. Вопросы метода – как?

Ход организаторов (я бы назвала его идеальным и гениальным): беседа с философом как заключение лекционного блока. Беседа-провокация. Мы (и участники, и наблюдатели, и организаторы) оказались на противоположной стороне от лектора. Мы как бы пытались не потерять весь предыдущий опыт и сказать: подождите, нам все ясно, не путайте нас! Но он был коварен в своей теории интерпретации «хореографии» через понятие «хора». Вот это, на мой взгляд, стало пиком лаборатории и одним из действенных стимулов для исследования. Это была попытка зайти в тему документа, памяти, хореографии совершенно с неожиданного ракурса, который переворачивал и даже отрицал все, что было до него. Попытка выйти из круга, очерченного опытом. Опять вернулось напряжение и потерянности в лицах. Но, по итогам, это стало, значимым вкладом в подходе к проектам.

Лаборатория предстала как сумма знаний по работе с документами, историей, травмой. Рассмотрены варианты их трансформации в искусстве, психологии, телесной терапии и других сферах. Но выбор и разработка метода остается за пределами трех дней. Метод перемещается в пространство работы пар – драматург-хореограф – и будет скрыт от других. В представлении проектов мы слышали зачатки методов, но, естественно, проработка их куда более глубже и продолжительнее по времени. Поэтому описывать проекты не буду, потому что, уверена, на выходе мы получим работы, лишь отдаленно напоминающие те

проекты и методы работы, о которых говорили участники в финале лаборатории.